

Маурас

Annotation

Бабарахим Машраб (ок. 1657 — 1711) является одним из замечательных узбекских поэтов-классиков, создавших свой особый поэтический стиль. Он широко известен не только среди узбеков, но и среди казахов, уйгуров и татар. Многие его произведения переложены на музыку. В народе бытуют бесчисленные предания о скитальческой жизни поэта.

- [Бабарахим Машраб](#)
 -
 - [Бабарахим Машраб \(А. Хайитметов\)](#)
 - [Газели](#)
 -
 - ["Явившись в мир..."](#)
 - ["Встав на путь любви..."](#)
 - ["Луноликую увидев..."](#)
 - ["Если прах я..."](#)
 - ["Мой милый друг..."](#)
 - ["Увидеть милое лицо..."](#)
 - ["О, если б родинку твою..."](#)
 - ["Если я уйду из Намангана..."](#)
 - ["Когда страдаешь..."](#)
 - ["Когда явился в мире этом..."](#)
 - ["От пламенной любви сгорая..."](#)
 - ["О, если о любви скажу..."](#)
 - ["Своей красой она затмила..."](#)
 - ["Как планета, до рассвета я скитался..."](#)
 - ["Что там?..."](#)
 - ["Мой кумир надевает наряд..."](#)
 - ["В сад любви зову подругу..."](#)
 - ["В долинах мира..."](#)

- "Догадаться, человек ты или гурий дочь, нельзя..."
- "Считаюсь я в краю печали..."
- "О груз тоски моей..."
- "Связывать меня напрасно..."
- "Ярки твои глаза..."
- "Ее увидев..."
- "За один лишь взгляд любимой..."
- "Увижу ль вновь мою подругу?..."
- "О муках сердца моего..."
- "Бедой на голову мою..."
- "Я пришел полюбоваться..."
- "Взглянула девушка..."
- "О, сколько лет..."
- "Одинок, утомлен..."
- "Как соловей в саду весеннем..."
- "Багряный шелковый наряд..."
- "Внезапно встретилась в пути..."
- "На брови черные ее..."
- "Хочу пред милой проявить и преданность и прыть..."
- "О девушка, чьи кудри — шелк..."
- "О, пусть я опьянюсь вином..."
- "Скорблю с рассвета до рассвета..."
- "О нет, не обмануло зренье..."
- "По красоте твоей тоскую..."
- "Твои изогнутые брови..."
- "Несбыточны мои мечтанья..."
- "Отчизну создал я газелям..."
- "Цветок не может без прохлады расти..."
- "Кто в мире умер от любви..."
- "О красоте твоей мечтаю..."
- "Когда идешь ты на прогулку..."
- "Я в мир любви стопы направил..."
- "У стен дворца моей любимой..."
- "Повсюду о моем безумье..."

- "Всю ночь я ждал ее..."
 - "О небо, где я не скитался..."
 - Мустазады
 -
 - "Ее кудрей волнистых обаянье..."
 - "Тебе одной я скорбь свою открою..."
 - "Пришла на миг..."
 - "В огне любви пылаю..."
 - Мусаддасс
 -
 - "Владычица! Своей красой ты всех в полон взяла!..."
 - Рубаи
 -
 - "О летопись любви и нежности моей..."
 - notes
 - 1
 - 2
 - 3
-

Бабарахим Машраб

Избранное

Бабарахим Машраб (А. Хайитметов)

Бабарахим Машраб является одним из замечательных узбекских поэтов-классиков, создавших свой особый поэтический стиль. Он широко известен не только среди узбеков, но и среди казахов, уйгуров и татар. Многие его произведения переложены на музыку. В народе бытуют бесчисленные предания о скитальческой жизни поэта.

Бабарахим Машраб родился, примерно, в 1657 г. в Андижане, в семье бедного ткача. Детские и юношеские годы поэта прошли в Андижане и Намангане. Существующие предания рассказывают о том, что он был очень талантливым человеком и в совершенстве овладел науками своего времени. Вместе с тем стремление Машраба к вольнодумству приводило к столкновению с ишанами и муллами. Вначале Машраб учился в Намангане у ишана Мулла Бозор Охунда и прислуживал ему. Затем Мулла Охунд передает его самому влиятельному ишану Кашгара Офок Ходже. Около семи лет прислуживал ему Машраб. Пребывание у ишана закончилось трагически для поэта: узнав о его любви к одной из своих невольниц, ишан жестоко наказал Машраба. С этого времени начинается скитальческая жизнь поэта. Он исходил пешком страны Средней Азии и Ближнего Востока. В то время в каждом городе, на каждой дороге можно было встретить скитальцев, облаченных в дервишеские одежды, не имеющих крова, живущих на подаяния. Среди них было немало людей науки и искусства. Можно предположить, что большинство стихов Машраба, дошедших до нас

через "Диван Машраба", Написано именно в годы странствий.

В 1711 году по решению мусульманского духовенства Машраб был повешен правителем Балха Махмудом Катаганом из династии Аштарханидов, прославившимся своей жестокостью. Основными причинами казни Машраба являются, по-видимому, социальные разногласия, возникшие у поэта с правящей верхушкой, в особенности с реакционным духовенством.

После смерти Машраба духовенство уничтожило подлинные списки стихов поэта. Но народ знал и любил Машраба: его стихи переписывали неофициальные каллиграфы, их тайком читали и распространяли. Творческая деятельность Машраба относится к периоду междоусобной борьбы феодалов Мавераннахра и Хорасана. В результате междоусобиц страна очень отстала в экономическом и политическом отношении, и сильно возросло недовольство народа правящим классом. Появились различные отшельнические и дервишеские группы, представлявшие разновидности суфийского учения. Это учение, появившись в IX — X веках, широко распространилось по всей Средней Азии. По словам покойного профессора Е. Э. Бертельса, суфизм настолько широк и растяжим, что под него может быть подведена любая концепция, любое мировоззрение^[1]. Поэтому среди этих суфиев были такие отшельники, которые, подобно Ахмаду Ясави, призывали отречься от всего мирского и жить мыслями о потустороннем мире, а были и такие, которые выступали против основных законов шариата и не подчинялись им. Бабарахим Машраб был в числе последних. Он отрицает поклонение святой Мекке, отрицает ад и рай, выражает недовольство "земным бытием":

Без вина и без любимой в Мекку для чего пойду?
Что мне храмы и мечети — лавки ветхие, старье!
Ад вдвойне иль пять Йремов мне предложат —
все равно!
Если нет свиданья с милой, ад — гнилье и рай —
гнилье!
Я, поправ престол аллаха, в сущность тайн его
проник.
В небе мрак. Так что ж сказать мне про земное
бытие?

(Газель "Если прах я...")

Выступая против основных догм мусульманской религии, Машраб придерживался суфийского учения о боге, по которому отрицаются посредники между богом и человеком — ишаны, шейхи, муллы.

Машраб открыто признается в своих стихах в том, что не читал намазов и не соблюдал постов:

К молитвам не зови Машраба! Веди с ним речи о любви.
Безумен, от постов свободен — вот он какой,
хитрец Машраб.

(Газель "Когда явился в мире этом...")

Он считает, что только с любовью к богу человек может достичь самой высокой ступени в познании абсолютной истины — соединения с богом. По мнению суфиев, появление человека на свет и каждое его действие предначертаны богом. Таким взглядом Машраб, с одной стороны, принижает роль человека в

обществе, с другой — сводит на нет роль ишанов, шейхов и мулл, клеймит их в своих стихах:

К муллам не обращаюсь в сомнение. Какого ни
возьми муллу —
Любой из них разврата, чванства и скудоумья
образец.
Что мне их путанные знанья! Их путь — дорога
сатаны.
Они слюною истекают, подачки пряча в свой
ларец.

(Газель "Скитаюсь я в краю печам..")

Такое отношение к духовенству Машраба и других поэтов подрывало авторитет духовенства и имело в тот период прогрессивное значение. Ф. Энгельс в своей работе "Борьба крестьян в Германии" писал: "Революционная оппозиция феодализму проходит через все средневековье. Она выступает, соответственно условиям времени, то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания."^[2]

Мы имеем основание сказать, что в произведениях суфийских поэтов, в частности в произведениях Машраба, в известной степени отражены гнев и скорбь народа, страдавшего в тисках феодального гнета:

Я видел тех, чей дух и тело зажаты гнетом, как
в тиски,
Я видел скорбных тех, чье сердце разбито
болью на куски,
Я видел тех, что днем и ночью в плену
безвыходной тоски.

(Мухаммас "Повсюду о моем безумье...")

Машраб был далек от понимания законов общественного развития и искал решения социальных вопросов не в самом обществе, а в божестве.

По нашему мнению, возмущение несправедливостью жизни, недовольство социальным положением, стремление к мирским благам в творчестве Машраба преобладают над мистикой.

Машраб занимает особое место в развитии узбекской лирики. Его стихи о любви насыщены мыслью и чувством, отличаются богатством красок и разнообразием формы. Машраб воспевает свою возлюбленную, красоту ее, верность ей, он страдает в разлуке, готов перенести любые мучения во имя встречи с ней.

В многочисленных и разнообразных по форме стихах варьируется любовная тема. Лирический герой Машраба готов ради любви на любые жертвы, на самоотречение. Его возлюбленная в большинстве случаев изображается гордой красавицей, смелой, решительной, порой даже жестокой, покоряющей и сердце поэта, и весь мир;

Покрывало снимает с лица, и плененный
красавицей мир

Смотрит, смотрит на облик ее, как и я,
опьяненный, смотрю!

.....

И тогда убивающий царь-чаровница летит на
коне,
Говоря: "Для неверных рабов меч жестокости я
заострю!"

.....

Ранят черные стрелы ресниц, царь-кумир
убивает раба,
Умирает Машраб от любви, не противясь
кумиру-царю.

(Газель "Мой кумир надевает наряд...")

На пути к счастью, к соединению с любимой,
поэт встречается с социальной
несправедливостью;
Всю жизнь ищу свиданья с милой. Вельможи-
псы грызут меня.
Неужто нам терпеть их вечно, собак без чести и
стыда.

(Газель "О груз тоски моей...")

В лирике Машраба переплетены любовные и общественно-философские мотивы.

Поэт уделяет большое внимание художественной форме своих произведений, не делая, однако, форму самоцелью. Искусство Машраба основывается на изучении творчества великих поэтов Востока — Алишера Навои, Хафиза Ширази, Абдурахмана Джами, Джела-леддина Руми, на знании устного народного творчества. Машраб использовал различные известные в то время поэтические жанры.

Его перу принадлежит много газелей, ряд удивительных мустазадов. Мухаммасы и мусаддасы Машраба являются образцами поэтического творчества. Стихотворения Машраба отличаются совершенством художественной отделки, смелостью и

оригинальностью мысли, музыкальностью. Многие газели и мустазады, мухаммасы и мусаддасы стали народными песнями.

До Великой Октябрьской социалистической революции существовало два взгляда на творчество Машраба. Правящие классы, особенно духовенство, отталкиваясь от враждебного для них содержания поэзии Машраба, отрицали художественное достоинство его стихов. Для народа Машраб всегда был любимым поэтом, творцом глубоко лирических, социально острых поэтических произведений.

В советское время его произведения публиковались в узбекских антологиях и хрестоматиях. В 1958 г. Гослитиздат УзССР выпустил сборник стихотворений Машраба отдельной книгой. Стихи, вошедшие в этот сборник, отобраны из рукописей "Дивани Машраб", переписанных в XIX веке, хранящихся ныне в Институте востоковедения АН УзССР, и из литографий книги "Дивани Машраб", опубликованных в 90-х годах XIX века.

Интерес к творчеству Машраба среди русской интеллигенции Туркестана возник еще в конце XIX века. Первые подстрочные переводы стихов Машраба на русский язык были сделаны Н. С. Лыкошиным.

В "Антологии узбекской поэзии" (Гослитиздат, М., 1950) опубликовано более десяти стихотворений Машраба в переводе русских поэтов В. Державина и Т. Спендиаровой.

Предлагаемый читателю сборник "Избранное" Машраба — первый опыт публикации художественных переводов Машраба на русский язык отдельной книгой.

Владимир Липко передал богатый своеобразный мир образов Машраба, сохранил сложную традиционную форму его произведений.

Переводы В. Липко открывают русскому читателю, да и не только русскому, талантливого узбекского поэта

XVII века.

А. Хайитметов

Газели

"Явившись в мир..."

* * *

Явившись в мир, я потонул в болоте бытия.
Что знал я? Лишь немного слов сказать был в
силах я!

Когда ж увидел я, что мир душе и телу враг -
Я "Нет!" и "Нет!" в глаза ему метнул, как два
копья.

Войдя в кабак, я ощутил в душе моей огонь.
В мечеть войдя, я в ней угас, окоченел, друзья!

Всех откровений для меня ценней кувшин с
вином.
Ханжа! Молитва-для тебя, а мне — вина струя.

Пью одиночества вино, душа моя пьяна!
В петле закончить жизнь свою — видать, судьба
моя.

Безумства ради небеса и землю я отверг.
Об этом громкая молва летит во все края.

Друзья, Машраб не виноват. Что может сделать
он?!

По одиночества реке плывет его ладья...

"Встав на путь любви..."

* * *

Встав на путь любви, молиться и посты блюсти
нельзя.

Совместить влечение к милой с благом святости
нельзя.

Покорительницу сердца увидав, бесстрастным
быть,
Мир души от разрушенья уберечь, спасти
нельзя.

Если ты однажды вышел на дорогу нищеты,
Дум о власти и богатстве прочь не отмести
нельзя.

Если аромат любимой на тебя повеял вдруг -
Разуму, долготерпенью не сказать "прости"
нельзя.

О отшельник, с черноглазой встретившись хотя
бы раз,-
В откровеньях и в молениях радость обрести
нельзя.

Что безумному глумленье?! Все он в силах
перенести!
Только разлученья с милой боль перенести
нельзя.

О Машраб, ты брат Меджнуну, сердце очищай

добром!

Пятен в сердце ни водою, ни постом свести
нельзя.

"Луноликую увидев..."

* * *

Луноликую увидев, сразу я влюбленным стал.
Прелестью ее сраженный, навсегда смятенным
стал.

Пламя страсти жгло мне сердце, душу жгло
мою, но я
Не гасил огня и в мире мотыльком сожженным
стал.

Пусть я милую увидел в кабаке — не все ль
равно!
Я отверг и рай и веру — страстью опьяненным
стал.

О насмешница, кокетка, что ты делаешь со
мною?!
От любви я стал безумным, нищим, разоренным
стал.

Путь любви — в огне и в муках. Созерцая
красоту
Я горю, я догораю — в пепел обращенным стал.

Друг, не говори Машрабу о владычице души.
От тоски по ней и так он весь опустошенным
стал.

"Если прах я..."

* * *

Если прах я, для чего мне прозябание мое?
Если милой нет, на что мне мирозданье без нее?

Без вина и без любимой в Мекку для чего пойду?
Что мая храмы и мечети — лавки ветхие, старье!

Ад вдвойне иль пять Иремов мне предложат —
все равно!
Если нет свиданья с милой, ад — гнилье и рай
гнилье!

Если истина, открывшись, ясным солнцем не
взойдет -
Что мне пользы в ней? На что мне затаенный
свет ее?

Я, поправ престол аллаха, в сущность тайн его
проник.
В небе — мрак. Так что ж сказать мне про
земное бытие?

"Мой милый друг..."

* * *

Мой милый друг, цветок мой милый, я одинок,
о, где же ты? Кумир, чьи розовые губы как
лепесток, о, где же ты?

Уж сколько дней, пылая сердцем, зову тебя:
вернись, приди!
Кружиться буду над тобою, как мотылек, о, где
же ты?

О, как томительна разлука с тобой, румяноликий
друг,
Ищу тебя, всхожу, волнуясь, на твой порог, но
где же ты?

Мне горько, тягостно, мне больно, а ты утешить
не пришла!
Покой души моей, отрада, любви цветок, о, где
же ты?

Глаза мои от горя слепнут, стенанья рвутся из
груди.
Прости, но я стонаний этих сдержать не мог, о,
где же ты?

Обуглилась душа Машраба, и сердце стало
шашлыком.
Страшна разлука, как пустыня... я изнемог...
О, где же ты?

"Увидеть милое лицо..."

* * *

Увидеть милое лицо, издалека хотя б,
Пришел несчастный дивана^[3], увидел и ослаб.

* (Дивана — юродивый.)

Пришла жеманница, пришла владычица души,
Та, чья волнистая коса стан обвернуть могла б.

Пришла кокетка, чьи глаза пьянят сильнее вина.
Отдай ей душу, дивана, склонись пред ней, как раб.

Уста ее сладки, как мед, а зубы — жемчуга.
О, будь хоть сто сердец в тебе — все ей отдай,
Машраб!

"О, если б родинку твою..."

* * *

О, если б родинку твою и шелковую прядь
Не видел я — мне б не пришлось в огне любви
сгорать!

Один лишь вздох любви — и вмиг разрушен
веры храм.
О, если б я, вина глотнув, не наливал опять!

Трепещет горлинка души в сетях любовных чар.
О, если б силу я имел, чтоб сети разорвать!

Один лишь взгляд — и я горю. О, если бы я мог
Забыть твой взгляд и всю твою блистательную
стать!

Сто лезвий в грудь мою вонзил нас разлучивший
рок
О, если б этих страшных мук вовеки мне не
знать!

О, если б, душу взяв мою, ты ласковой была,
Не затемнила б душу мне уныния печать.

Смирись, Машраб! Служи любви. Ценна и эта
жизнь.
О, если бы и эту жизнь напрасно не отдать!

"Если я уйду из Намангана..."

* * *

Если я уйду из Намангана, вспомнит ли хоть кто-нибудь меня?

Если на чужбине прахом стану, вспомнит ли хоть кто-нибудь меня?

Выпил я вино любви жестокой. Как в котле, кипит моя любовь.

Стал безумцем я, от страсти пьяным,- вспомнит ли хоть кто-нибудь меня?

Оставаться дольше нету мочи, и уйти нет сил,- что делать мне?

Грудь в огне, любовь моя безгранна. Вспомнит ли хоть кто-нибудь меня?

Говорю: "Останусь!" — нет покоя. Говорю: "Уйду!" — покоя нет!

Если в беспредельность мира кану — вспомнит ли хоть кто-нибудь меня?

Стон Машраба никому не слышен. Что ж, уйти, куда глаза глядят?!

Здесь ли буду, или в дальних странах — вспомнит ли хоть кто-нибудь меня?

"Когда страдаешь..."

* * *

Когда страдаешь, человек, пред милой слезы
лей.

Не прячь от милой боль свою, поведай горе ей.

Тоска в груди — и я к своей возлюбленной лечу.
Пред нею — розой — слезы лью, печальный
соловей.

Отшельнику свою тоску не раскрывай, Машраб.
Иди и плачь, и все скажи возлюбленной своей.

"Когда явился в мире этом..."

* * *

Когда явился в мире этом еще один жилец —
Машраб,
Планетой в океане жизни стал горестный
пловец Машраб.

Вино любви искрилось в чаше. Любовь
отвергнуть он не мог.
Испил — и, слезы проливая, исплакался вконец
Машраб.

Ударь хоть сорок тысяч бедствий — он будет с
милой встречи ждать.
Оставь без глаз — все так же будет желать
любви слепец Машраб.

В какой бы город ни пришел он, ему кричат:
"Уйди — ты плох!"
Бросают камни — и уходит отверженный певец
Машраб.

Любви он все приносит в жертву, любимой все
готов отдать.
Будь сто сердец в груди Машраба — отдаст все
сто сердец Машраб.

К молитвам не зови Машраба! Веди с ним речи о
любви.
Безумен, от постов свободен — вот он какой,

хитрец Машраб!

"От пламенной любви сгорая..."

* * *

От пламенной любви сгорая, день ото дня
сильней я плачу,
Красавица моя, мечтая о близости твоей, я
плачу,

Я жажду пить вино из кубка рубиноцветных губ
твоих.
Но дом питейный заперт. Горько у замкнутых
дверей я плачу!

Стал нечестивцем я. Отныне моя святыня только
ты!
Ты мой кумир, ты — храм! О друг мой, о храм
любви моей, я плачу!

Как на руинах плачут совы, как стонет горлинка
в сетях,
Как опьяненный алой розой влюбленный
соловей, я плачу!

В разлуке, как Меджнун в пустыне, томлюсь я, о
моя
Лейли! Приди! Одним лукавым взглядом срази
меня, убей! Я плачу!

Среди степей и гор безумцу жилище строить
нужды нет!
В степях тоски скитаясь вечно, любви ищу, о ней

я плачу!

"О, если о любви скажу..."

* * *

О, если о любви скажу я, любви томление
сожжет.

Мой дом и даже душу мира в одно мгновение
сожжет!

Я разобщен с тобой, кумир мой! О, если я
решусь назвать

Тебя — тогда язык и губы мне наслаждение
сожжет!

Как опишу тебя? Едва лишь себе представлю
облик твой,

Мои глаза, и грудь, и душу воображение
сожжет!

Ты здесь. Пришла. Но почему же не
спрашиваешь о любви?!

Знай. Навсегда меня такое пренебрежение
сожжет!

О, если груз тоски Машраба другой поднимет
человек,

Беда другому! Кущи рая его мучение сожжет!

"Своей красой она затмила..."

* * *

Своей красой она затмила красавиц прочих.
Хорошо!

И на ситаре звонкострунным играет очень
хорошо!

Седлай коня любви и дружбы, скачи к
возлюбленной своей.

Коль нежности законов нежных не опорочишь,
хорошо!

В жестоком океане жизни одна жемчужина —
любовь.

В любви-жемчужине все мысли сосредоточишь
— хорошо!

Отшельник! Не в молитвах благо! Пей увлечения
вино.

Когда влюбленный предан страсти и дни и ночи,
хорошо!

Лишь ты, Машраб, любви не нужен! Отвергнут
ею ты.

И все ж На миг увидишь милой очи — уйти нет
мочи... Хорошо!

"Как планета, до рассвета я скитался..."

* * *

Как планета, до рассвета я скитался по стране
И увидел лик, подобный ослепительной луне.

Опален лучистым взглядом, обессилел я, поник,
Покоренный и плененный, точно птица в
западне.

Меч судьбы рассек мне сердце, я томился, как
Фархад,
На скале моей печали, на кремнистой крутизне.

А когда с ней пировали все соперники мои,
Что я мог? И так несчастный, я несчастным стал
втройне.

Увидав свечу веселья, чаровницу увидав,
Мотыльком я к ней стремился и сгорал в ее
огне.

О, хотя бы тень надежды подарила мне она!
Заплатив монетой сердца, был бы счастлив я
вполне.

Кравчими другие были, но когда она сама
Налила мне кубок, радость я нашел в ее вине!

Так налей еще Машрабу, виночерпий нежный
мой!

Ты одним ресниц движеньем душу окрылила
мне!

"Что там?..."

* * *

Что там? Или это пери стаей по небу летят?
Иль заря зажглась на небе, красотой лаская
взгляд?

Нет, не утро засияло — милая моя пришла.
И души моей пустыня превратилась в пышный
сад!

Ветерок дыханья милой разогнал мою печаль.
Не она ль мне в грудь вложила дар любви —
бесценный клад?

А коль грудь мою расколет войско прелестей ее,
Сам тогда исторгну сердце и отдам и буду рад!

Тише, время! Многоцвetyем мой весенний сад
одет.
Погоди, холодный ветер, не спеши, мой
листопад!

Столько лет я был без крова, был под снегом и
дождем -
А ее не волновала тяжесть всех моих утрат!

Встань на чистый путь, безумец, иди в кабак,
Машраб.
Если не достигнешь цели, сам ты будешь
виноват!

"Мой кумир надевает наряд..."

* * *

Мой кумир надевает наряд, повторяющий
цветом зарю,
Говоря; "Целый мир всколыхну", говоря: "Целый
мир покорю".

Украшает сурьюмою глаза, чтобы все запылали
сердца,
Чтоб горели от жаркой любви, как и я,
покоренный, горю.

Покрывало снимает с лица, и плененный
красавицей мир
Смотрит, смотрит на облик ее, как и я,
опьяненный, смотрю!

И тогда убивающий царь-чаровница летит на
коне,
Говоря: "Для неверных рабов меч жестокости я
заострю!"

И неверный и раб — это я. Дурно я ей служил до
сих пор.
Мчится грозный кумир, говоря: "Опозорю его,
усмирю!"

"Царь души моей, я виноват. Отсеки мою голову
прочь,
Обагри моей кровью песок!" — так
возлюбленной я говорю.

Ранят черные стрелы ресниц, — царь-кумир
убивает раба.

Умирает Машраб от любви, не противясь
кумиру-царю.

"В сад любви зову подругу..."

* * *

В сад любви зову подругу: "Возвратись, печаль
развей!

Стонет без тебя и плачет горлинка души моей."

Стан твой равен кипарису, взгляд очей твоих —
палач,

Нежность губ рубиноцветных розы лепестков
нежней!

Не кори меня, отшельник,- ты не знаешь мук
моих.

Посмотри: сгорает сердце от огня ее очей.

Если нет свиданья с милой, нет и счастья. Что
мне рай?

Для меня он без подруги ада мрачного
страшней.

Все дары и блага мира без любимой не нужны.

Лучше лечь живым в могилу, чем страдать в
разлуке с ней.

Друг мой, не кори Машраба, труден путь его
любви.

Если, не достигнув цели, он погибнет, пожалей.

"В долинах мира..."

* * *

В долинах мира день и ночь я соловьем пою,
Кумира славлю моего — владычицу мою.

Иду на улицу ее, и звучен голос мой,
Когда я трелей разолью жемчужную струю.

В Меджнуне узнаю себя и лью вино любви.
И в ласковой Лейли себя, страдая, узнаю.

Свеча чарующей красы мне душу обожгла.
Печалью крылья опалив, я стоны издаю.

Всечасно я искал ее, и вдруг услышал я:
"Ищи зарю, в заре найдешь меня — любовь твою!"

Теперь ты славен, о Машраб, теперь ты счастлив стал.
Теперь наставником тебя зовут в родном краю.

"Догадаться, человек ты или гурий дочь, нельзя..."

* * *

Догадаться, человек ты или гурий дочь, нельзя.
Увидать красу такую и пройти обочь нельзя.

Без колючек нету розы, без труда искусства нет!
В терниях дорога к милой — сразу превозмочь
нельзя!

О жестокая, увидев светоч красоты твоей,
Разорвать струну влечения, чтоб не изнемочь,
нельзя!

Солнцеликой как достигну? Солнца в небе не
достать!
К небу тянется безумец, но ему помочь нельзя.

Ты и солнце, ты и роза, я — плененный соловей.
Соловью покинуть розу и умчаться прочь
нельзя.

О Машраб, ты стал влюбленным, ночь тоски тебя
гнетет.
Встань!.. Нет сил... Развеять эту тягостную ночь
нельзя.

"Скитаюсь я в краю печали..."

* * *

Скитаюсь я в краю печали — жемчужин истины ловец.

Душа в смятенье. Жизнь проходит, все ближе дней моих конец.

Увы! Раскрытых тайн немного. Неведенье гнетет меня.

Не золотая роза счастья, а скорбь — души моей жилец.

К муллам не обращаюсь в сомненье. Какого ни возьми муллу -

Любой из них разврата, чванства и скудоумья образец.

Что мне их путанные знанья! Их путь — дорога сатаны.

Они слюною истекают, подачки пряча в свой ларец!

Коль ты им скажешь слово правды — они на голову твою

Обрушат камни, завывая: "Прочь, нечестивец, прочь, глупец!"

Слова Машраба — жемчуг правды. Но, друг, об этом говоря,

Смотри, чтоб речь твою не слышал какой-нибудь

"святой" подлец!

"О груз тоски моей..."

* * *

О груз тоски моей, неужто тебя не сброшу
никогда?

Неужто я, несчастный, связан с тобой на все мои
года?

Всю жизнь ищу свиданья с милой. Вельможи-
псы грызут меня.

Неужто нам терпеть их вечно — собак без чести
и стыда?!

О мой кумир, весь мир опутан сетями черных
кос твоих.

Порвется сеть! Неужто будет бессильной всех
веков чреда?!

Пулям любви везде преграды. Смотри! Любовь
— что океан.

До неба встанут волн громады-и рухнет всех
преград гряда!

Дай радость всем сердцам, а если обидишь
сердце хоть одно,

Все алтари твои, все храмы золою станут
навсегда!

Машраб, опасно спорить с небом. Рассудок и
любовь — враги.

Знай: если вникнешь в тайны бога — любви не

будет и следа!

"Связывать меня напрасно..."

* * *

Связывать меня напрасно. Подчиненных не зови:

Я и так на смерть согласен. Хочешь жизнь прервать — прерви!

Впрочем, для чего ты станешь голову мою рубить?

Ты и так уже нередко руки обаграл в крови.

Жизнь — превратностей сплетенье. Друг мой, если ты не глуп,

День покоя в этой жизни исключением назови.

Если всюду бродит войско льющих кровь, то где ж покой?!

Не нужны царю меджнуны, не нужны певцы любви.

О, Машраб, жалеть нет нужды;, если кровь твоя течет.

А настанет миг последний — этот миг благослови.

"Ярки твои глаза..."

* * *

Ярки твои глаза, уста твои свежи.
Приди, красу твою влюбленным покажи.

Твой раб — молюсь тебе, и душу рад отдать
По слову одному прекрасной госпожи.

О. подари хогь взгляд влюбленным беднякам.
Блесни, как правды луч, средь мира зла и лжи.

Машраб, ты мир отверг, ты стал рабом. Иди
И голову у ног прекрасной положи.

* * *

"Ее увидев..."

Ее увидев, "Будь мне другом, ты краше света",
— я сказал.

"Любовь — шербет. Хотя бы каплю дай мне
шербета", — я сказал.

Сказали мне; "Ирем прекрасен. За сколько б
отдал ты его?"

"Всего лишь за одну копейку", — в ответ на это
я сказал.

Разведав о моем влеченье, хулил любовь мою
аскет.

Узнав о том, "Одной стрелою убью аскета", — я
сказал.

Сказали мне: "Что если в пламень твоей любви
низринуть мир?"

В ответ — "И ад сгорит, и небо, и вся планета",
— я сказал.

"За один лишь взгляд любимой..."

* * *

За один лишь взгляд любимой суждено быть
жертвой нам.

Жертвой быть за эти очи и безумью, и умам.

Если взглянет чаровница, покрывало приподняв,
Быть за взгляд лучистый жертвой моему и всем
сердцам.

Если кравчим будет пери и протянет кубок мне,
В жертву кубки ей и чаши за любви ее бальзам!

Из рубина уст любимой выпил я глоток вина.
Лучшие рубины мира — в жертву пурпурным
устам!

Если, как Юсуф прекрасна, посетит она меня,
В жертву милой и Кааба и любой на свете храм!

Если скажет: "Дай мне душу" этот царь души
моей,
Я пожертвую душою и хвалу любви воздам.

Если грудь мою мишенью сделает для стрел-
ресниц,
В упоенье грудь раскрою — жертвой пери стану
сам.

Если в розовом наряде подойдет она ко мне,
Став безумным, став Меджнуном, разум в

жертву ей отдам.

Если на щеку Машраба ляжет шелк ее кудрей,
О Машраб, отдай всю землю в жертву шелковым
кудрам!

"Увижу ль вновь мою подругу?..."

* * *

Увижу ль вновь мою подругу? В разлуке с ней я так давно!

Иль, не дождавшись встречи с нею, в могилу лечь мне суждено?

Ищу... Не нахожу... Смогу ли, как розу в мае соловей,

Найти тебя?.. Иль счастье это осуществиться не должно?

Судьба ко мне несправедлива, меня с тобою разлучив.

О долгожданное свиданье! Я плачу: будет ли оно?

"Забудь ее!" — сказал я сердцу. Оно ответило: "Глупец!

Как мне забыть о ней, прекрасной, когда любовью я полно!"

Приди, о кравчий, дай мне кубок, чтоб опьянел я от любви.

А если не придешь на помощь — кто ж мне тогда нальет вино?

Нет силы ждать. Вернись, откликнись! Стон муки рвется из груди.

Вернешься ли? Иль вечно в сердце носить страдание одно?

Тебя любить — самой судьбою мне
предназначенный удел.

О, неужели сеть разлуки порвать Машрабу не
дано?!

"О муках сердца моего..."

* * *

О муках сердца моего не ведают друзья.
Я небо стоном раздробил, как острием копья.

Был радости недолгий час в больной моей душе.
Спросить о горестях пришла любимая моя.

Но камень горести моей упал мне прямо в рот,
Два зуба выбил у меня, и стал щербатым я.

Велит мне мучеником быть жестокий мой кумир
-
В пустыню Кербела* плыви, души моей ладья.

* (Кербела — город в Ираке, близ которого были убиты сыновья Халифа Али IV — Хасан и Хусейн.)

Жеманница, еще приди, развей мою тоску!
Зовут тебя мои глаза, потоки слез струя.

О, будет ли предел, Машраб, терзаниям твоим!
Нет мочи больше! Из груди ушла душа твоя.

"Бедой на голову мою..."

* * *

Бедой на голову мою любовь упала вдруг.
Друзья покинули меня. Тяжел любви недуг.

Отвергнут, презрен, плачу я, любовью опален.
Кровавых слез моих поток все затопил вокруг.

Склоняясь, молится аскет пред аркой алтаря.
А я молюсь твоим бровям, изогнутым, как лук.

Базарный староста велел разбить кувшин с вином.
Глупец! Не знал он, что вино — мой лучший верный друг.

Хоть за день десять тысяч раз терзаешь ты меня,
Люблю тебя! Терзай еще. Мне мало этих мук!

Ох, как бы весел был с тобой юродивый Машраб!
О, почему, мой шах, тебе все время недосуг?

"Я пришел полюбоваться..."

* * *

Я пришел полюбоваться, луноликая, тобой.
От любви сгореть пришел я — раб твой верный,
пленник твой.

От любви твоей все беды навалились на меня.
Я пришел просить лекарства, чтоб вернуть себе
покой.

К морю твоему пришел я, чтоб ловцом
жемчужин стать,
Чтоб жемчужину жемчужин отыскать во мгле
морской.

Если спросишь, для чего я докучаю здесь тебе,
Я скажу: "Пришел стать жертвой пред твоею
красотой!"

Я погряз в грехах несчетных. Отпусти мои
грехи!
Я пришел к тебе, любимой, с покаянною
мольбой.

Караван ушел в пустыню, стал в пустыне на
привал.
Я пришел к нему усталый: долог путь был
трудный мой.

Красоту твою увидел и сознание потерял.
Я пришел, чтоб стать безумным от любви твоей

хмельной.

Я пришел, чтоб опьяниться божества вином
святым.

Так не мешкай, виночерпий, — вот мой кубок
золотой!

Я пришел к тебе, чтоб жизнью поплатиться за
любовь.

Снизойди к мольбе Машраба, дверь закрытую
открой.

"Взглянула девушка..."

* * *

Взглянула девушка и стала властителем судьбы
моей.

И сердце, обагрившись кровью, день ото дня
болит сильнее.

Десятки тысяч стрел вонзает она в мою больную
грудь,

Но тщетно девушку прошу я: "Дай мне бальзам
любви твоей!"

Закрыв лицо свое, подобно свече, закрытой
фонарем,

Она заставила влюбленных блуждать, ища
свиданья с ней.

Томлюсь, горю. Луна и солнце — лишь искры
вздоха моего,

Напрасно думают иные, что это блеск ее очей.

Нет, в небесах не звезды блещут. Жемчужин
россыпь в небесах -

Дань, жертва красоте девичьей, под ноги
брошенная ей.

Я знаю, кто она. Индийский с улыбкой сладкой
попугай.

А я, Машраб, в саду весеннем плененный ею
соловей.

"О, сколько лет..."

* * *

О, сколько лет я, как Меджнун, скитаться
обречен?!

Брожу я в поисках Лейли, забыв покой и сон.

Услышь стенания любви, услышь и отзовись.
Приди ко мне, я жду тебя, я как Меджнун,
влюблен.

Будь сто сердец в моей груди — все отдал бы
тебе.

Богатство, власть... Зачем они? На что бродяге
трон?

Небрежно мимо ты прошла, жеманница моя.
С тех пор, убогий странник, я любовью опьянен.

Огнепоклонники, узнав о красоте твоей,
Сомлев, сойдя с ума, к тебе стремятся на
поклон.

В кипучем пламени любви горит моя душа.
Настанет час — погибну я, огнем любви сожжен.

Обрушилась разлуки боль на голову мою.
Стенаю, плачу, к небесам летит мой скорбный
стон.

О, пощади! Хоть втайне стань подругою моей.
Все приказания твои исполню, как закон:

Однажды выпил я глоток из чаши божества.
Вот почему я прежде был весельем окрылен.

Теперь унынье-мой удел. Бессилен стал
Машраб.
О чаровница, пожалей: тобой повергнут он.

"Одинок, утомлен..."

* * *

Одинок, утомлен, я к тебе, дорогая, пришел.
О пощаде молить, рассказать, как страдаю,
пришел:

Не отвергни Машраба! В слезах он взывает к
тебе:
Опозорен, унижен, в грехах увязая, пришел.

Не принес я подарков, достойных твоей
красоты.
Пожалей, не гони. Милосердья ища, я пришел.

Покупатель-бедняк, я пришел на базар бытия.
Вместо золота душу тебе предлагая, пришел.

Излечи же меня, о виновница боли моей,
О бальзаме любви униженно моля, я пришел.

Не отвергни Машраба! В слезах он взывает к
тебе:
"Подними покрывало, взглянуть на тебя я
пришел!"

"Как соловей в саду весеннем..."

* * *

Как соловей в саду весеннем, я был любовью
обуян.

Я тосковал о розоликой, чей нежен взгляд и
тонок стан.

Увы! Вовеки не раскрыться бутону сердца
моего.

Конца не будет этой боли. Напрасно я пришел в
Хутан!

Я знаю: россыпью жемчужин мои газели
назовут.

Кто обладает даром слова таким, как мне,
Машрабу, дан?!

"Багряный шелковый наряд..."

* * *

Багряный шелковый наряд надела озорница.
О, чья-то кровь должна теперь у ног ее
пролиться!

Где, с кем она пила вино — об этом я не знаю.
Но вижу: щеки у нее зарделись, как зарница.

Нет, колдовскими создал бог не только эти очи!
От головы до ног она колдунья-чаровница.

Изящно в косы вплетены жемчужные подвески,
Волнами локонов она могла б до пят закрыться.

Машраб, надгробью твоему гореть в тюльпанах
алых,
Сожгла тебя, повергла в прах души твоей
царица!

"Внезапно встретила в пути..."

* * *

Внезапно встретила в пути, изящна и мила.
Край покрывала приподняв, бровями повела.

Взглянула в очи мне, смеясь, и завладела мной.
Огонь любви в душе моей мгновенно разожгла.

Повесив крест на грудь мою, сказала мне:
"Крестись!"
Сама не верит и меня в неверье вовлекла.

Дала живую душу в дар, когда я в мир пришел.
А ныне, страстью опалив, жжет и сожжет дотла.

Лукавит! Стрелами ресниц пронзает сердце
мне.
Изображение свое из глины создала!

Не отыскал Машраб борца, чья жизнь для всех
пример.
К безбожнице припал душой, стремясь уйти от
зла.

"На брови черные ее..."

* * *

На брови черные ее, на боль души моей
взгляните.

На муку сердца моего, на шелк ее кудрей
взгляните.

Кто видел эту красоту, тот стал ее рабом
навек.

Луна и солнце рядом с ней становятся бледней,
взгляните.

То ленту алую вплетет то платье красное
наденет.

Прислушайтесь к ее речам. Она змеи хитрей.
Взгляните.

Как лук изогнутая бровь, ресниц губительные
стрелы.

Когда хитрит, чаруя всех на блеск ее очей
взгляните.

Огонь разлуки жжет меня. Нейдет жестокая к
Машрабу!

Как жалкий нищий, день и ночь я жду свиданья
с ней, взгляните!

"Хочу пред милой проявить и преданность и прыть..."

* * *

Хочу пред милой проявить и преданность и прыть.

С ее собаками хочу полаять и повыть.

Эх, лекарь, я в любви могу стерпеть любую боль.
Не торопись меня жалеть, не прибегай лечить,

Так пусть ее лукавства меч мне голову снесет.
За что же, как не за любовь, и умирать и жить.

Что в мире краше и нежней ее волнистых кос?
Их ароматом я хочу все розы напоить.

Томясь, безумствуя, горя, стенаю день и ночь,
Как я могу огонь любви от солнцеликой скрыть?!

Хочу я, чтоб ее душа в моей груди жила.
А грудь ее хочу своей душой воспламенить.

Один глоток вина любви отпил бедняк Машраб.
Теперь для всех влюбленных он султаном хочет быть!

"О девушка, чьи кудри — шелк..."

* * *

О девушка, чьи кудри — шелк и чьи уста как мед,

Что это: лик твой иль луна взошла на небосвод?

Я только глянул на тебя — и бездыханным пал.

Тебе лишь, глупой, невдомек, что я умру вот-вот.

Как жемчуг зубы у тебя, как лилия лицо.

Весь мир стал пленником твоим, твоих велений ждет.

О, если разрешит судьба тебя поцеловать,

С какою радостью Машраб к твоим устам прильнет!

"О, пусть я опьянюсь вином..."

* * *

О, пусть я опьянюсь вином с той пери озорной,
Пусть чашу выроню из рук — безумный и
хмельной.

Разбито сердце у меня на тысячи кусков.
Взгляни хоть раз, пускай сгорю — покорный
пленник твой.

Погряз в грехах несчетных я. О, не гневись,
молю!
Будь милосердной. Видишь, я дрожу перед
тобой.

Все существо мое, вся жизнь — растоптанный
цветник.
Твой каждый милостивый шаг приму, как дар
благой.

Что в бытие земли Машраб? Залетный ветерок!
Пусть, землю облетев, умру, покину мир земной.

"Скорблю с рассвета до рассвета..."

* * *

Скорблю с рассвета до рассвета, стенаю у твоих
дверей,
О милая! Души лишаюсь, когда я у твоих
дверей.

Тюльпану, розе, базилику сродни,
мучительница, ты.
Твой стройный стан обнять мечтаю, вздыхая у
твоих дверей.

Юсуф прекрасный, девы рая, цари, султаны,
люди все:
Те, что вольны, и те, что в рабстве, — я знаю, у
твоих дверей.

Весь мир твоя краса пленила; весь мир от
страсти опьянев,
Пришел к тебе, прося пощады, рыдая у твоих
дверей.

О, сколько мук невыносимых принес мне шелк
твоих волос.
Душа моя в сетях, как птица, о злая, у твоих
дверей.

Ища любви, нашел я горе. Твои глаза, как
палачи,
Лишают воли, убивают, встречая у твоих
дверей.

О периликая! Я гибну в огне разлуки. Пощади!
Как мотылек безумный, гибну, сгорая у твоих
дверей.

"О нет, не обмануло зрение..."

* * *

О нет, не обмануло зрение! Моя красавица идет.
Изящной розы воплощенье — моя красавица идет.

Из губ пурпурных разливая пурпурное вино любви,
Нарядна, как цветок весенний, моя красавица идет.

Идет и всем, кого ни встретит, ресницы-стрелы
в сердце шлет.
Душа от ревности в смятенье — моя красавица идет!

Друзья! Она мне ранит душу в одно мгновенье
сотни раз!
О, где от горя избавленье?.. Моя красавица идет!

Хмельная, с томными глазами, с лицом
румяным, как тюльпан.
Суля безумное забвенье, моя красавица идет.

В руке у чаровницы сабля, у бедер — ножны,
взгляд хмельной.
Объята жаждой разрушенья, моя красавица идет.

Она сказала, что желает меня — Машраба —

повидать.

Разжечь во мне огонь влечения моя красавица
идет.

"По красоте твоей тоскую..."

* * *

По красоте твоей тоскую, ее ищу, о ней я плачу.
Меджнун, блуждающий в безумье, горя в огне
страстей, я плачу.

Не в силах я открыть все тайны, все муки
сердца моего.
Но знаю, что оно разбито на тысячи частей, и
плачу.

Твои уста сродни рубинам, язык твой сладок,
как шербет.
Твой светлый лик подобен солнцу. О свет моих
очей, я плачу.

Весь облик твой как сад весенний. Ты и
тюльпан, и кипарис.
Вот почему, тобой отвергнут, как скорбный
соловей, я плачу.

Ох, как я жажду вновь увидеть твои глаза, твои
уста.
Откликнись! Как бездомный нищий, встав у
твоих дверей, я плачу.

Ручьем кровавым льются слезы из глаз моих.
Что делать мне?
Любимая! Едва лишь вспомню о красоте твоей, я
плачу.

О боже правый, дай Машрабу из моря истины
испытать.

Твердя, как дервиш: "Боже! Боже!" — день ото
дня сильнее я плачу.

"Твои изогнутые брови..."

* * *

Твои изогнутые брови — алтарь священный для меня.

Твой лик — луна во мраке ночи, и он же — солнце в свете дня.

Твои следы — моя Кааба. Я раб твой, я твой верный пес.

Молюсь у твоего порога, смиренно голову склоня.

Пусть, как палач, меня терзает моя мечта о двух мирах.

Я даже с целым войском справлюсь, твой облик в памяти храня.

О, если я с тобой в разлуке другую вспомню, покарай!

Смирюсь, приму любую кару, лишь одного себя виня.

Но нет, других красавиц чары не властны над моей душой.

Твоих кудрей волнистых кольца — моя надежная броня.

Что это? Молния и ливень? Нет, это слез моих ручьи.

Дым вздоха моего и пламя во мне горящего

ОГНЯ.

"Несбыточны мои мечтанья..."

* * *

Несбыточны мои мечтанья. Кому же плакать,
как не мне?

Предела нет моим страданиям. Кому же
плакать, как не мне?

Один я на опасных тропах, во мраке траура
один.

Один в моих слепых блужданиях. Кому же
плакать, как не мне?

Припал я к божьему порогу, молился, каялся в
грехах.

Но бог не принял покаянья. Кому же плакать,
как не мне?

Смутил я воплями своими любимую Офок-ходжи,
Но не прервал я их свиданья. Кому же плакать,
как не мне?

Приказ наставника исполнив, я роздал все мое
добро.

Но бог презрел мои даянья. Кому же плакать,
как не мне?

О, если, выпив чашу правды, на путь
неправедный вступлю,

Погрязну в тине злодеянья, кому же плакать,
как не мне?

Старик семидесятилетний, служивший истине
всю жизнь,
Я обречен на поруганье. Кому же плакать, как
не мне?

О, если, в мир, войдя с надеждой, Машраб
надежду потерял,
Сгорел в тяжелых испытаниях, кому же плакать,
как не мне?

"Отчизну создал я газелям..."

* * *

Отчизну создал я газелям в пустынях сердца моего.

Газели скорби и печали в пустынях сердца моего.

Влюбленные, ко мне идите, я ваш единственный приют.

Для вас цветущим садом стали пустыни сердца моего.

Как дождь весенний, льются слезы. Я сердце подарил тебе.

Йеменским лалом засверкали пустыни сердца моего.

В былые дни не расставалась твоя любовь с моей душой.

Как пара горлинок, летали в пустынях сердца моего.

Бывало, взглянешь ты — и сразу в душе моей цветов не счесть.

Мы всем садам предпочитали пустыни сердца моего!

Но, видно, сам огонь бесчестья, безумец, я разжег в душе:

Как саламандра, запылали пустыни сердца моего.

Машраб, ты сам, готовясь к смерти, сшил саван
из одежд любви.

И снова расцветут едва ли пустыни сердца
твоего!

"Цветок не может без прохлады расти..."

* * *

Цветок не может без прохлады расти, цвести,
благоухать
Лишенный дара красноречья, что может он в
любви понять?

Сорви в саду весеннем розу — замолкнет песня
соловья.
Вспорхнет он, улетит, печальный, и не вернется
в сад опять.

В огне любви желтеют лица, слабеют крепкие
тела,
Но если сердце не пылает, кто станет сердце
сердцем звать?!

Искал я от любви бальзама, но милая сказала
мне:
"Любовь бальзамом не излечишь, как реку не
воротишь вспять".

Иной глупец глядит с презрением на всех
людей!
Ну что ж, пускай! Не может тусклый черный
камень рубином бадахшанским стать.
Машраб, не сетуй, что разлука разбила грудь
твою. Смотри!
Рубин разбит на сто осколков, а стал ли меньше

он сиять?!

"Кто в мире умер от любви..."

* * *

Кто в мире умер от любви, став прахом, став ничем?

Кто в мире умер от любви и вновь воскрес затем?

Кто, обойдя весь белый свет, любимую искал,
Искал упорно и потом пришел домой ни с чем?

Когда красавица взмахнет отточенным клинком,
Кто примет смерть от рук ее, как благо, как Ирем?

Когда на празднике большом ликует весь народ,
Кто стоном праздник омрачит, неведомо зачем?

О боже, я, Машраб, тебя о помощи молю.
Но чьи мольбы услышал ты и не остался нем?!.

"О красоте твоей мечтаю..."

* * *

О красоте твоей мечтаю, я изнемог, согбенным стал.

На торжище любви и муки я камнем драгоценным стал.

Моим соперникам кичливым, как перламутру, грош цена!

Кричу и плачу я в разлуке, юродивым, блаженным стал.

Огонь любви ожег мне сердце. Ох, как Машрабу тяжело!..

Он стал золою под ногами, ничтожным прахом тленным стал.

"Когда идешь ты на прогулку..."

* * *

Когда идешь ты на прогулку, играя дугами бровей,
Я, пес бродячий, прочь бросаюсь, спасаясь от твоих камней.

Другим ты даришь жизнь и ласку, приветный, нежный взгляд очей.
А мне ты стрелы мечешь в сердце, смеясь над верностью моей.

Для всех других ты добрый светоч, а для меня ты злая мгла!
Ты розовый кувшин слепила, и праздник твой расцвел, как сад.

Лишь я на празднике был лишним. Скажи мне, в чем я виноват?
Нет! Лучше мрак сырой могилы, чем этой жизни вечный ад!

Терзай, пытай, но подари мне, хотя б один приветный взгляд.
Увы! Врага ты пощадила, а друга смерти предала!

Завлек меня, связал, опутал твоих кудрей тугой силок.
Ты счастлива, живешь беспечно, не знаешь горя и тревог.

Другим — твоей любви отрада, а мне — худой
молвы упрек:

С меня довольно. Сбросив путы, я покидаю твой
чертог.

О, если б лаской ты Машраба заморозила,
привлекла!

"Я в мир любви стопы направил..."

* * *

Я в мир любви стопы направил и стал
несчастливым бедняком.

И грудь моя для стрел — упреков мишенью
стала в мире том.

Страдать устав, я возвратился в свой прежний
мир, в свой старый дом,

Но в мире этом сердце снова затосковало о
другом -

И я опять ушел из мира и думать перестал о
нем.

Во мгле разлуки звал я друга, искал, стоная, —
не нашел!

Чтоб рассказать о тяжелой муке, тебя, родная, не
нашел.

Искал хоть месяца покоя, но даже дня я не
нашел.

Искал лекарства, чтоб окрепла душа больная...
Не нашел!

Тогда твой гнев я сделал другом и скорбь мою
называл отцом...

Твои уста подобны меду, глаза как солнца
торжество.

Твой каждый взгляд — стрела несчастья, стрела
для сердца моего,

Твое лицо — румиец знатный, а кудри — негры
вкруг него.

Вот отчего я так терзаюсь, вот, о кумир мой,
отчего
Мир сердца моего разбил я) все в нем поставив
кверху дном.

Мне ночь печали стала братом и собеседником
давно.

Беда охотится за мною. Я слезы лью, а ей
смешно.

Моя тоска, твоя жестокость, сдружившись,
стали заодно.

Все муки сердца превратил я в тугие крылья,
чтоб оно

Могло, взлетев пурпурной птицей, достичь души
твоей хором.

Я разорен, а ты в довольстве, о лучезарная моя.
Нет мне покоя! Нет покоя, в какие б ни забрел
края.

О человек, когда ты хочешь достигнуть счастья
бытия,

Терпи, хотя б из раны сердца лилась кровавая
струя!

Кровь сердца моего собрал я, назвав ее любви
вином.

Припав к ногам твоим, подумал: "Рабом ей стану
с этих пор.

В кимвал любви ударю сердцем и звоном оглашу
простор!"

Надев твой саван погррбляльный. подумал: "Лягу
на костер".

Подумал: "Сделаю оружие, чтоб дать сопернику отпор".

И, взяв полу твоей одежды, вооружился топором.

Одна лишь ночь с тобой в беседе, один твой взгляд — и я готов

И веру, и обитель веры разбить на тысячу кусков!

Твои слова, мое томленье непостижимы для глупцов.

Здесь в слово каждое вложил я значенья многих сотен слов.

Чтоб не открылись наши тайны, чтоб не прослыл Машраб глупцом.

"У стен дворца моей любимой..."

* * *

У стен дворца моей любимой всегда бродить
хочу.

Хочу терпеть ее обиды, рабом ей быть хочу.

Ее тропу моею кровью я обагрить хочу.

Ее любовь с моей любовью навеки слить хочу.

Глаза мои ее кудрями я исцелить хочу.

Платок ей нужен. Размотаю моей души моток,
Переплетая нитку с ниткой, начну вязать
платок.

В ночи я для нее огнивом всегда служить бы
мог.

В Китае, в Руме или в Шаме стоит ее чертог?

Где б ни жила, с ее чертогом я рядом жить хочу!

Цветет на синем небе солнце — рубиновый
тюльпан.

Больное сердце — ожерелье из бесконечных
ран.

Луноподобный лик подруги и светел и румян.

Когда она, срывая розу, склоняет гибкий стан,

Пыльцу с полы ее одежды слезами смыть хочу.

Раздавлен я скалой печали. О, если б ты пришла
Спросить меня о муках сердца, распалась бы
скала!

О, если бы кинжалом взгляда ты грудь мне
рассекла,-

Тогда б душа моя, ликуя, от счастья умерла.

У ног твоих, дрожа, как птица, я кровь пролить
хочу!

Граната алого и груши возможно ли родство?
Но навсегда сближает души познания
торжество.

Взгляни, подруга, на Машраба, развея печаль
его.

Спроси: какая в жизни радость ему милей всего,
-

Он скажет: голову к любимой на грудь склонить
хочу.

"Повсюду о моем безумье..."

* * *

Повсюду о моем безумье вопит глупцов
согласный хор.

Что ж, вымогатели, акулы пускай поверят в этот
вздор.

Я разлучен с моей любимой — вот мой
единственный позор.

Вот почему один, как дервиш, я обхожу земной
простор.

Вот почему — Семург без крыльев — брожу
среди долин и гор.

Я видел гурий в кущах рая — на что мне рай, на
что мне храм?

И веру, и морские блага, не пожалев, за грош
отдам.

Я в Руме был и был в Китае, но пошлин не
сбирал я там.

Короны мира не желая, я не завидовал царям.

Я, обходя моря и земли, один скитаюсь, нищ и
хвор.

Я видел тех, чей дух и тело зажаты гнетом, как
в тиски,

Я видел скорбных тех, чье сердце разбито
болью на куски,

Я видел тех, что днем и ночью в плену
безвыходной тоски.

Любовью покоренных видел — они душою мне

близки, -

В глазах у них царит смятение, в сердцах у них царит раздор.

В пути я падал не однажды, был труден каждый перевал.

Но я не внял словам брамина, у шейхов правды не искал.

Беречь тебя до этой встречи я только богу завещал.

У ног твоих, прекрасный кравчий, молю: "Налей мне мой фиал.

Причина всех моих скитаний — твой лунный лик, твой жаркий взор".

Машраб! Без близости с подругой любовь любовью не зови.

Дворец далек. С кумиром встречу и в хижине благослови.

Забудь себя, самодовольство навек от сердца оторви,

Не сетуй на уколы рока, избрав тернистый путь любви.

Тогда любимой станешь другом и отворишь ее укор.

"Всю ночь я ждал ее..."

* * *

Всю ночь я ждал ее, не смея смежить ресницы.
Не пришла!

Смотрел, тоскуя, на дорогу, но озорница не
пришла.

Пришли немилые, чужие, а та, что снится, не
пришла!

От мук я лишь свиданьем с нею мог излечиться
— не пришла!

Сгорал от жажды я, но пери дать мне напиться
не пришла!

Как я унижен на чужбине! Нет больше сил.
Душа больна.

Ты хочешь взять ее, о пери! Возьми. Она мне не
нужна.

Но будь добра, дай мне увидеть твой лик
прекрасный, как луна...

Эй, кравчий! Я забвенья жажду! Налей
пьянящего вина.

Та роза, чьей красою мог бы я опьяниться, не
пришла!

Я умираю, слышишь? Где ты? Скажи мне, где
тебя искать?

Кричу с рассвета до рассвета: "Скажи мне, где
тебя искать?"

Ведь У тебя жилища нету. Скажи мне, где тебя
искать?

Ты знаешь тайны всей планеты. Скажи мне, где

тебя искать"

Все беды на меня свалились — моя орлица не пришла'

Тону, захлебываюсь в горе. Кумир желанный мой, вернись!

Карай меня, что хочешь делай, но только будь со мной, вернись!

Все шахи в мире, все султаны ничтожны пред тобой, вернись!

Прогнав тоску, развеяв муки, блистая красотой, вернись!

Не возвращается... Что делать? Моя царица не пришла!

"Войди в мечеть", — сказал Машрабу высоконравственный аскет.

Боясь хулы разоблачения, лишь поклонился я в ответ.

Аскет велел: "Сосредоточься, молись — и узришь правды свет".

И что ж? Когда в мечеть со мною вошли печаль и гоцечь бед,

Не родилась в душе молитва; зовя смириться, не пришла.

"О небо, где я не скитался..."

* * *

О небо, где я не скитался, где не блуждал из-за тебя?

Все время — в трауре. Веселым я не бывал из-за тебя.

Все то, что я имел, утратил. Все потерял из-за тебя.

Все расцвели, лишь я, скиталец, поблек, увял из-за тебя!

Где ж правда? Требую возмездья! Я нищим стал из-за тебя.

Я соловей без оперенья. Слепой, бескрылый филин я.

Я даже и среди развалин не отыскал себе жилья.

Я разлучен с моей любимой, меня покинули друзья.

Все расцвели, лишь я, скиталец, поблек, увял из-за тебя.

Где ж правда? Требую возмездья! Я нищим стал из-за тебя!

Меня с желанной разлучили, с возлюбленной, с душой моей.

Опору сердца отобрали, отъяли свет моих очей.

Друзей, товарищей лишили. Один я на закате дней.

Все расцвели, лишь я, скиталец, поблек, увял из-за тебя.

Где ж правда? Требую возмездья! Я нищим стал
из-за тебя!

Мустазады

"Ее кудрей волнистых обаянье..."

* * *

Ее кудрей волнистых обаянье
Сожгло меня, разрушив мой покой.
Я — соловей в плену очарованья,
Она — цветок весенний, озорной.

Жестокая! Сто раз прийти сулила,
Но до сих пор ни разу не пришла,
Презрев любовь, чураясь состраданья,
Ни разу не спросила, что со мной.

О, если не увижу розоликой,
Вовеки если не придет она,
Как мотылек, сгорит в огне желанья
Моя душа и разум бедный мой.

Что делать мне? Нет у меня покоя.
Нет сил преодолеть недуг любви.
Весь мир лишился воли и сознания,
Плененный этой огненной красой.

Когда б смягчилось сердце луноликой,
Я б душу отдал ей: "Твоя! Бери!"
Что мне без луноликой мирозданье?!
Бесплодная равнина, звук пустой!

О, сколько тайн пылающего сердца
Поведал ей юродивый Машраб!
Пренебрегла. Отвергла все признанья,

Бесчеловечной оказалась, злой.

"Тебе одной я скорбь свою открою..."

* * *

Тебе одной я скорбь свою открою,
Ведь ты ученая, ты всех умней.
Услышь мой стон, побудь хоть раз со мною,
Взгляни, как я терзаюсь, пожалей.

Мое безумье для тебя не тайна,
О мой кумир, любовь меня пьянит.
Ну кто еще, как я, пленен тобою?
Пойми, приди, печаль мою развей.

Не знал я, что любовь труднее смерти.
Узнал — и поражен цветком любви.
И кровь из глаз моих течет рекою,
И гибну я, безумный соловей.

Навеки опозоренный влюбленный,
Без ропота я жизнь отдам тебе.
Пусть камни бед свистят над головою,
Пусть я умру под градом тех камней.

Не упрекай безумного Машраба!
Когда, сгорев, умру, не упрекай!
Ведь я тебе пожертвовал душою,
Душою, сердцем, счастьем — жизнью всей!

"Пришла на миг..."

* * *

Пришла на миг, мила, как дева рая,
Разбила сердце и, смеясь, ушла.
Как отыщу? Пойду теперь куда я?
Везде — разлуки степь и скорби мгла.

В слезах бежал я следом за тобою,
Но тщетно ждал я милости твоей.
Безбожница, кокетка озорная,
О, как ты зла, как бесконечно зла!

Ты неумна. За каплю милосердья
Стократ бы слава возросла твоя.
Но нет! Скорблю с утра и до утра я.
А ты поешь и пляшешь, весела.

О, сжался! Хоть на миг свое веселье
Со мной, скитальцем бедным, раздели.
За миг любви тебя благословляя,
Как мотылек в огне, сгорю дотла!

Когда с лица откинешь покрывало,
Осмелюсь ли взглянуть в твои глаза?
Глазами-палачами убивая,
Ты море крови в мире пролила.

Надев зуннор*, отрекся я от веры.
Не мусульманин, не христианин,
Погиб я, в ересь впал из-за тебя я.

Вот ты к чему Машраба привела!

"В огне любви пылаю..."

* * *

В огне любви пылаю каждый день я,
Лишь ты не знаешь, как я изнемог.
Побудь со мной, дай мне хоть миг забвенья -
И пусть дотла сгорю, как мотылек.

В твоих кудрях — благоуханье амбры,
Лицо как роза, строен тонкий стан.
О милая! Душа моя в смятенье,
В плену сомнений и в сетях тревог.

Везумец я! Зачем я не боялся
Твоих очей, прекрасных, как заря,
Пурпурных уст, сулящих упоенье,
И нежной шеи, белой, как цветок?

Когда ты шла походкой соколиной,
Пленяя души светлой красотой,
Зачем я не бежал от искушенья?
Зачем тогда я страхом пренебрег?

Из лука смоляных бровей стреляя,
Ты, озорница, мне пронзила грудь.
Пробила сердце мне в одно мгновенье,
Безбожница! Я кровью весь истек.

Вернись к Машрабу, вспомни обещанье!
Ты видишь: я не требую — молю!
Я гибну, слышишь? Гибну в исступленье.

То пьян, то трезв. Покинут, одинок.

Мусаддасс

"Владычица! Своей красой ты всех в полон взяла!..."

* * *

Владычица! Своей красой ты всех в полон взяла!
По всей земле, во всех краях,- твоей красе хвала!

Тебя из высших совершенств природа создала.
Вся прелесть мира пред тобой ничтожна и тускла.

Ох, как ты чудно хороша! Ох, как ты хороша!
Любой жестокостью твоей любитесь душа.

На красоты твоей листах блистают письмена,
Блестит каждая строка, алмазами полна.
Жеманной поступью твоей душа покорена.
То с ветерком тебя сравнишь, то скажешь: "Пет, волна!"

Ох, как ты чудно хороша! Ох, как ты хороша!
Любой жестокостью твоей любитесь душа.

Когда слегка колышешь ты свой тонкий, легкий стан

На сто ладов играет он, как бубен, как тимпан.
А если засмеешься ты, мечты моей султан
Весь мир, упав к твоим ногам, любовью будет пьян.

Ох, как ты чудно хороша! Ох, как ты хороша!
Любой жестокостью твоей любитесь душа.

Приди, владычица моя, Не то сгорю дотла.
Рукою тронув сердце мне, ты б руку обожгла.

Верней и жарче нет сердец! Но, горделива, зла,
Машрабу, другу твоему, ты верной не была!
Ох, как ты чудно хороша! Ох, как ты хороша!
Любой жестокостью твоей любитесь душа.

Рубаи

"О летопись любви и нежности моей..."

* * *

О летопись любви и нежности моей,
Твой первый лист открыт — пою, как соловей.
Владычица души, тебе хвалу пою.
Друзья, придет ли день желанной встречи с
ней?

Над морем дней моих мрачнеет небосклон,
Над вспененной волной летит томленья стон.
Вдали прошел кумир — мой гордый кипарис.
"Друзья, придет ли день желанной встречи с
ней?"

Разлучники пришли и преградили путь,
Кинжалами тоски мне искололи грудь,
Взметнулся к небесам предсмертной муки крик;
"Друзья, придет ли день желанной встречи с
ней?"

Огнем разлуки с ней душа опалена,
От скорбных слез в глазах Машраба пелена.
Развеян сладкий сон. Мир пуст. Любимой нет.
Друзья, придет ли день желанной встречи с
ней?.

notes

Примечания

Е. Э. Бертельс. Очерк истории персидской литературы. Ленинград, 1952, стр. 51.

К. Маркс и Ф. Энгельс. "О религии". Госполитиздат
Москва, 1955, стр. 77.

Зуннор — пояс определенного цвета, который носили христиане, подданные мусульманских государей.